

В. Б. Мелас¹

ШЕСТЬ СПОСОБОВ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Резюме: Эта работа является попыткой ответить на вопрос, что мы имеем в виду, когда утверждаем что нечто — вещь, предмет, положение дел и тому подобное — «есть», «существует». На основе анализа феномена восприятия и анализа примеров и интуиций, заложенных в терминах и оборотах повседневной речи, в статье утверждается, что наряду с восприятием есть еще, по крайней мере, пять способов существования: принятие (приятие), признание, поддержка, гипотетическое существование и объективное существование.

Ключевые слова: способы существования, восприятие, принятие, признание, поддержка, гипотетическое существование, объективное существование.

Viatcheslav Melas

SIX WAYS OF EXISTENCE

Resume: The paper is an attempt to reply to the following question: what we imply proposing that a thing, a subject, a state of affairs or something similar is existed. By analyzing the phenomenon of cognition and some examples and some intuitions rooted in terms and ways of everyday speaking, we come to the conclusion that apart with cognition there are else at least five ways of existence: accepting, support, hypothetical existence and objective existence.

Keywords: ways of existence, recognition, accepting, support, hypothetical existence and objective existence.

1

Эта работа является попыткой ответить на вопрос, что мы имеем в виду, когда утверждаем что нечто — вещь, предмет, положение дел и тому подобное — «есть», «существует».

Вопрос мне представляется настолько важным, что даже некоторое сугубо предварительное продвижение в нем заслуживает артикуляции и внимания.

Именно в предложенной форме вопрос, насколько мне известно, еще не ставился, но мы рассмотрим два близких к нашей постановке знаменитых примера.

В своем «Рассуждении о методе» Рене Декарт утверждает, что в существовании себя самого он усомниться не может. «Но я тотчас обратил внимание на то, что в это самое время, когда я склонялся к мысли об иллюзорности всего на свете, было

---

¹ Мелас Вячеслав Борисович, доктор физико-математических наук, профессор математико-механического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет.

Viatcheslav Melas, Dr. Sc., Prof., Mathematics and Mechanics Faculty, Saint Petersburg State University.
viatcheslav.melas@gmx.de

необходимо, чтобы я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал» [Декарт 1989: 269]. Однако Декарт никак не объясняет, а что значит существовать не в смысле моего собственного существования, а в смысле существования вещей, положения дел, и т. п.

Беркли говорит: быть значит быть воспринятым. Этот широко известный тезис Джорджа Беркли [Беркли 1978] можно рассматривать в чисто феноменологическом смысле — как описание способа существования некоторой вещи для человека. Мне здесь не потребуется ни аргументация Беркли, ни его философская концепция, хотя многие его идеи при определенной коррекции представляются мне актуальными.

Давайте допустим, что вещи для нас существуют, поскольку мы их воспринимаем. Согласимся, что, несмотря на кажущуюся понятность², мы не знаем, что это значит — существовать. Но восприятие — куда более определенный феномен, чем существование. Поэтому, мы правильно поступим, если будем объяснять неизвестное через известное, а не наоборот. И все же присмотримся к самому слову «восприятие». В нем есть возвратная частица, обозначающая повторение. Воспроизвести — значит произвести еще раз нечто, уже произведенное. И воспринять означает повторно принять что-либо, уже принятое. В самом деле, я воспринимаю, скажем, этот стол. Но даже если я никогда не видел столов, я должен знать, что это такое. В процессе обучения и воспитания ребенок узнает и запоминает значения слов и назначение вещей. Он их принимает в свой обиход. Многие вещи для него постепенно оказываются принятыми еще до всякого восприятия. Итак, есть, по крайней мере, два способа существования вещей, положений дел и тому подобного для нас — это восприятие и принятие.

Мы будем рассматривать различные обороты повседневной речи в поисках альтернативных способов существования для нас.

2

Я постараюсь показать, что есть, по меньшей мере, шесть различных способов существования чего-либо для нас³. Это восприятие, принятие, признание, поддержка, гипотетическое бытие и объективное бытие.

Наиболее известный способ существования — это восприятие. Одним из видов восприятия является зрительное восприятие. Например, я вижу стол. Стол существует, потому что я его вижу. Феномен восприятия хорошо известен и исследован. Ему посвящена целая монография [Мерло-Понти 1999]. Поэтому мы сейчас не будем подробно останавливаться на этом феномене, но позднее вернемся к нему.

А вот другой способ существования — существование посредством принятия. Этот способ значительно менее изучен. Насколько мне известно, в философии это понятие не разрабатывалась, хотя в литературном и повседневном языке оно присутствует. Александр Блок пишет: «узнаю тебя жизнь, принимаю и приветствую

² «Бытие есть само собой разумеющееся понятие. Во всяком познании, высказывании, во всяком отношении к сущему, во всяком к-себе-самому-отношении делается употребление из «бытия», причем это выражение «безо всяких» понятно. Каждый понимает: «небо *было* синее»; «я *буду* рад» и т. п. Однако эта средняя понятность лишь демонстрирует непонятность. Она делает очевидным, что во всяком отношении и бытии к сущему как сущему а priori лежит загадка.» [Хайдеггер 1997: 4].

³ Под способом существования я подразумеваю не вид существования, а способ данности чего-либо, из которого мы делаем вывод о существовании вещи, положения дел и т. п.

звоном счита» [Блок 1960: 272]. В повседневной речи мы слышим такие выражения, как «принимайте меня таким, каков я есть»⁴. На мой взгляд, это понятие заслуживает изучения и с философской точки зрения. С целью предпринять анализ этого понятия изучим ряд примеров.

Рассмотрим случай человека, решившегося на самоубийство. Он вообще отказывается от мира, не принимает мир. Для него мир перестает существовать не тогда, когда он выполняет свое намерение, а когда он только приходит к этой мысли. Самоубийца не принимает мир в целом. Здесь надо исключить случай альтруистического самоубийства, например, самоубийства с целью спасти свою семью. Потому, что в этом случае мир перестает существовать не в момент принятия решения (самоубийца при этом думает о своей семье и для него мир продолжает существовать), а только после его исполнения.

В романе Ф. М. Достоевского «Бесы» есть персонаж по фамилии Кириллов, который становится самоубийцей [Достоевский 1974]. Он рассматривает свое решение как способ сделать людей свободными, показав им, что от мира можно отказаться. Но Кириллову не обязательно было самому осуществлять этот трагический акт. Достаточно было осознать, что самоубийцы существуют: само по себе существование бескорыстных самоубийц показывает, что наше существование в мире и существование мира для нас базируются на принятии этого мира.

Заметим, что к принятию мира как такового относится и знаменитый гамлетовский вопрос: быть или не быть? [Шекспир 1992].

Менее общий, но тоже очень важный случай, когда речь идет о неприятии каких-то изменений в жизни общества. Многие представители русской интеллигенции не приняли революцию октября 1917 года и были вынуждены эмигрировать за рубеж. Здесь неприятие означает отказ участвовать в жизни общества.

Принять присягу — это значит взять на себя дополнительные обязательства и тем самым изменить свой мир. Принять христианство — значит войти в круг верований, представлений, ритуалов, которые присущи христианству. И если кто-то говорит, что он был крещен, ходит в церковь и соблюдает посты, но религия не играет в его жизни большой роли, значит, он не принял христианство, а лишь следует некоторым правилам. (Я здесь говорю о христианской вере не как о таинстве, а как о публичной самоидентификации). Здесь очень важный момент состоит в том, что принять что-либо значит гораздо больше, чем просто заявить о принятии.

Мы говорим: «так принято». Например, принято здороваться при встрече. Принято, значит — существует, принятость есть способ существования.

Повседневный язык указывает на эту форму бытия с удивительной точностью. Приятель — это тот, кого мы принимаем, кто существует для нас не просто как социальный тип или случайный встречный, а в подлинно человеческом качестве.

Заметим, что в некоторых других языках, например, в английском, для перечисленных примеров использовались бы различные термины. Но это означает только одно. В данном случае русский язык обладает большей пронизательностью, чем английский. В английском нет сходной интуиции, выражающей суть принятия. Это

⁴Мое обращение к повседневной речи идет несколько иным путем, чем обращение к языку в поздних работах Людвиг Витгенштейна и его последователей [Витгенштейн 1994]. Я также считаю, что значение слова задается его употреблением. Но при этом я стремлюсь найти такие примеры, которые позволили бы открыть стоящий за ними феномен. Я стремлюсь понять подтексты повседневной речи. Этот подход мною использовался при работе над монографией [Мелас 2009].

не единичный случай, когда для содержательного русского термина трудно найти английский эквивалент. То же относится, например, к термину «переживание», который имеет эквивалентный немецкий аналог «Erlebnis», но не имеет английского [Мелас 2009: 204].

Рассмотрим еще два примера, в которых обнаруживаются новые свойства бытия в форме принятия. А именно: принятие закона соответствующим органом государственной власти и принятие решения лицом, к которому оно относится. Закон существует, если он принят и решение существует, если оно принято. Решение существует только путем принятия. Не принятое решение — это вообще не решение. И не принятый закон не является законом.

Что же такое не принятый закон или не принятое решение? Это — гипотетическое существование. То есть то существование, которое возникло бы, будь закон или решение приняты. Скажем, если я принимаю решение бросить курить, то мир для меня меняется. А если я только говорю об этом, то это — гипотетическое существование. Мы еще вернемся к этому вопросу.

Теперь рассмотрим вопрос о том, что такое признание как способ существования. Вот, мне кажется, очень характерный пример. Человек считается преступником, если таковым его признал суд. А что, если я видел собственными глазами, что преступление было осуществлено другим лицом? Мне будет очень трудно отстаивать это свое наблюдение. Мне могут сказать, что я ошибся или что я имею какой-то корыстный интерес. То есть, для общества существование — это, во многих случаях, то, что признано существующим. И это признание влечет реальные последствия для лица, признанного виновным — осуждение, заключение в тюрьму и т. д.

Заметим, что суд не ищет преступника, но соглашается (или не соглашается) с версией обвинения, которая представляет собой гипотетическое существование. Признание здесь выступает как согласие. Более подробный анализ признания как способа существования (и краткий анализ истории этого понятия в философской литературе) можно найти в моей работе «Феноменология признания» [Мелас 2015].

Еще один способ существования — это поддержка. Нечто существует для нас благодаря нашей же поддержке. Ребенок не способен к самостоятельному существованию. Для того, чтобы существовать, ему нужны родительская забота и внимание. Можно привести множество примеров существования, требующего поддержки. Например, мы говорим: поддерживать отношения. Отношения существуют только с помощью поддержки. Другой пример: финансовая поддержка. Некоторые вещи, например, научные исследования, требующие значительных денежных затрат, не могут существовать без финансовой поддержки. На выборах в органы представительной власти не обойтись без групп поддержки. Здесь суть дела заключается в том, что без поддержки некоторые вещи либо вовсе не могут существовать, либо их существование будет существенно иным.

Поддержка не обязательно связана с признанием. Например, я признаю Достоевского как выдающегося мыслителя, а вот в моей поддержке он не нуждается. И наоборот. Как известно из воспоминаний супруги Осипа Манделштама, он поддерживал молодых авторов, даже если не признавал их поэтами [Манделштам 2014].

Гипотетическое существование, уже определенное нами, исследуется наукой. Теоретическая наука (например, теоретическая физика) занимается, в значительной

мере, гипотетическим существованием. Она исследует вопрос о том, что будет, если будут выполнены некоторые точно определенные условия. Например, какова будет траектория тела, запущенного с поверхности Земли с определенной скоростью. Или что будет происходить, если масса урана превзойдет критическое значение.

Исследования такого рода позволяют, в принципе, создавать весьма полезные устройства, машины и механизмы, а также новые, не встречающиеся в природе вещества, которым мы обязаны современному научно-техническому прогрессу. Однако наука не может ограничить спектр применения устройств, созданных на основе ее открытий. Например, теорию атомного ядра можно рассматривать и как заготовку к водородной бомбе. Наука также не может заставить нас принять тот или иной образ жизни, а если и дает рекомендации, то не может учесть в сколь-нибудь удовлетворительной мере жизненный порыв реального человека, то, что я воспринимаю, принимаю, признаю и поддерживаю. Наука, в определенном смысле — голый король. Она дает, что может, и в этом ее величие, но она не может дать всего. Мы предсказываем поведение Вселенной (благо проверить эти предсказания невозможно), но не можем предсказать погоду на несколько дней вперед. И не можем предсказать, как будут развиваться события в ближайшие годы. И причина этого проста. В этих случаях условия не контролируются в достаточной мере и существование, описываемое наукой, остается чисто гипотетическим. Теперь постараемся исследовать, как с точки зрения категорий, введенных в данной работе, следует понимать наше обычное представление о мире как совокупности пребывающих, длящихся, хотя и подверженных изменениям вещей. Рассмотрим такой пример. Мы не можем видеть поверхность планеты Плутон. Но созданный инженерами искусственный спутник планеты время от времени присылает нам фотографии. В каком смысле можно говорить о существовании Плутона? Прежде всего, созданные нами приборы есть не что иное, как продолжение наших органов чувств. Так что речь идет о бытии в смысле восприятия. В промежутках между сеансами работы прибора мы можем только (гипотетически) утверждать, что если бы наблюдения проводились, они дали бы в целом схожий результат. Ситуация такая же как с существованием стола. Мы, конечно, уверены, что стол существует, когда мы его не видим. Мы также уверены, что другие люди, оказавшись в нужном месте, увидят тот же самый стол. Но смысл этой уверенности состоит в том, что мы гипотетическое бытие принимаем за «реальное» (то есть существующее независимо от нашего восприятия). Набор общепринятых представлений, ядро которых в современном мире образуют общепризнанные научные положения (но который включает также народную мудрость, пословицы и поговорки, убеждения и представления, имплицитно содержащиеся в повседневном языке) и есть то, что называется «объективным» миром. Этот мир не зависит от нашего сознания в следующем смысле. Он исторически задан и может быть изменен только в результате жизнедеятельности общества в целом. Более детальное исследование процесса формирования этого мира есть задача всей совокупности наук, и выходит за рамки настоящей статьи.

Мы приходим к важному выводу о том, что объективное бытие не может быть просто воспринято, но должно быть также принято, признано и поддержано. Гипотетичность бытия, исследуемого наукой, преодолевается только всем ходом культурно-цивилизационного процесса.

3

Давайте исследуем, как перечисленные способы бытия соотносятся друг с другом. Чтобы это понять, рассмотрим более подробно существование посредством восприятия. Ну вот, скажем, я вижу стол, вижу его в какой-то комнате. Если исключить случай оптической иллюзии, то восприятие стола свидетельствует о его существовании. Как устроено зрительное восприятие?

Поток света, модулированный свойствами стола, падает на мою сетчатку и сознание преобразует его в нечто, что принимается за комнату со столом. То есть, на самом деле, восприятие означает принятие. Потому что вот этот образ сознания принимается за комнату со столом. Эта структура (принятие чего-то за реальный объект) как раз и является сущностью восприятия.

Следует подчеркнуть, что этот образ принимается за стол, существующий вне моего сознания, не мной, а помимо моей воли и желания — моим сознанием. В традиционной терминологии это есть различие между сознанием и самосознанием. Здесь важны дальнейшие детали. Я говорю, что я воспринимаю стол. Но что значит стол? Стол это нечто, какой-то предмет, который на русском языке принято называть столом. То есть, если я говорю, что я вижу стол, то подразумевается, что я знаю, что такое стол, вижу нечто и признаю это столом. То есть в восприятии присутствует элемент признания.

И снова, как и в случае принятия образа за стол, это признание не есть мое признание, но узнавание, которое открывается мне как факт. В отличие от признания мной писателя или художника, в котором признаю именно я. Более того, я один и тот же стол могу увидеть несколько раз. Но откуда я знаю, что это один и тот же стол? Он, может быть, изменился за это время. То был грязным, то чистым, может быть, ножки подкосились.

Признание стола тем же самым является существенным для восприятия стола и происходит помимо нашей воли. Именно поэтому восприятие не есть признание в смысле моего собственного акта.

Еще одна существенная подробность. Сейчас я воспринимаю стол, потом я отвернулся и уже не вижу стола. Говорят, что стол, тем не менее, существует. Но при этом — неявно подразумевается присутствие наблюдателя, который видит и меня, и стол. Иначе — стол могут унести, а я об этом не знаю. Более того, стол могут и вовсе уничтожить, например, из мести. Стола уже нет. Значит, если я не вижу стол, я, строго говоря, не могу утверждать его существование.

Вещи, если их рассматривать с точки зрения восприятия, не есть, а бывают. Утверждение «слоны в Африке есть» означает: поехав в Африку, мы, возможно, встретим там слона. А может быть, и не встретим. Элемент случайности, необязательности — присутствует в структуре восприятия. Поэтому, чтобы на основе восприятия построить картину мира, необходимо поддерживать гипотезу о том, что пока нас не было в каком-то месте, ничего не изменилось. Таким образом, восприятие связано с поддержкой (в смысле поддержки определенных представлений, гипотез и т. д.). Связано с существованием в смысле поддержки.

Гипотетическое существование, исследуемое наукой, также влияет на наше восприятие, если мы знакомы с наукой.

Чтобы воспринятое можно было рассматривать как объективно существующее, оно должно быть принято, признано и поддержано и мной и другими людьми, которые входят в круг моего восприятия.

Может показаться странным, что мы говорим о принятии не только в области общественных нравов и государственных законов, не только по отношению к нашим решениям, но и по отношению к природе.

Однако природа, понимаемая как вещь в себе, существующая вне нашего отношения к ней, также представляет собой (я умышленно избегаю слова «есть» в этом контексте) не что иное, как нашу идею, то есть гипотетическое бытие.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что существование чего-либо означает нашу причастность (одним из шести упомянутых способов), к тому, что утверждается в качестве существующего. Если что-либо, по видимому, никак не связано с человеком, оно, по крайней мере, есть человеческая мысль.

Например, Вселенная, описываемая теорией относительности, двояко связана с человеком. Во-первых, она есть плод человеческого ума и, во-вторых, явно подразумевает и подчеркивает роль наблюдателя.

Подведем итоги нашего обсуждения способов существования. Восприятие — это чувственная данность объекта (возьмем в скобки возможность восприятия умом). Вопреки распространенному (даже среди многих философов) представлению, что все существующее можно, так или иначе (хотя бы с помощью продолжения органов наших чувств — научных приборов) воспринять, мы утверждаем, что восприятие зависит от принятия. Это обозначается и непосредственно в языке: «вос» — возвратная частица, означающая повторение. Причем здесь речь идет не о повторении чего-то реального (ибо еще не ясно, что такое реальность), а о повторении принятого.

Принятие, таким образом, представляет особую форму существования, выступающую часто под именем традиции, культуры или обычая. Но традиция и культура, равно как и обычай, не включены «автоматически» в нашу жизнь, а активно принимаются или не принимаются нами. В этом исток серьезных проблем, поставленных Ф. М. Достоевским в «Записках из подполья» [Достоевский 1973]. Герой этой повести не принимает норм и обычаев той среды, в которой живет. А в наши дни возникла проблема принятия европейской культуры приезжающими в Европу представителями других культур. И эту проблему только сейчас начинают принимать всерьез.

Также следует обратить особое внимание на существование, основанное на признании и поддержке. Например, существование многих отраслей современной науки невозможно без существенной финансовой поддержки.

Но наука нуждается не только в финансировании, но и в признании. Конечно, на словах никто не оспаривает огромное значение науки. Но в каждом конкретном случае требуется существование подходящих научных журналов и соответствующих учебных программ, а для этого новое направление должно получить признание.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на практическую полезность, научные модели, если их рассматривать не просто как модели, а как выражение реальности, несут гипотетический характер. Например, система Птолемея, всецело ошибочная

с точки зрения современной астрономии, в течение столетий с определенным успехом применялась в навигации. В наши дни происходит пересмотр привычного понятия времени в новых физических концепциях.

Вселенная сама по себе есть абстракция, возможно, полезная в некоторых практических вопросах. Выдаваемая за истину, она служит только сиюминутным идеологическим целям.

Существование любой вещи для нас заключается в ее причастности к нашему жизненному миру и задается с помощью восприятия, принятия, признания и поддержки. Объективное существование — это то, что принимается (а значит и воспринимается), признается и поддерживается в нашем сообществе. Наука причастна к нему косвенным способом — через общественное признание. До такого признания научные конструкции представляют собой гипотетическое существование. Отмечу, чтобы не возникло недоразумений, что последнее утверждение не относится к чистой математике. Математика имеет свой собственный мир и соответствующее ему понятие существования.

ЛИТЕРАТУРА

- Беркли 1978 — *Беркли Дж.* Сочинения / Перевод А. Ф. Грязнова, Е. Ф. Дебольской, Е. С. Лагутина, Г. Г. Майорова, А. О. Маковельского. М.: Мысль, 1978.
- Блок 1960 — *Блок А.* Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 2. Стихотворения и поэмы. Государственное издательство художественной литературы. М.; Л., 1960.
- Витгенштейн 1994 — *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. Философские исследования. О достоверности. Культура и ценность / Перевод с немецкого Козловой М. С., Асеева Ю. А. М., 1994.
- Декарт 1989 — *Декарт Р.* Рассуждение о методе // Декарт Р. Сочинения в 2-х томах. М.: Мысль, 1989–1994. Т. 1. 1989.
- Достоевский 1973 — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 5. Л.: Наука, 1974.
- Достоевский 1974 — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 10. Бесы. Л.: Наука, 1974.
- Мандельштам 2014 — *Мандельштам Н. Я.* Мой муж — Осип Мандельштам. М.: Литагент «АСТ», 2014.
- Мелас 2009 — *Мелас В. Б.* Переживание и событие. СПб.: ВВМ, 2009.
- Мелас 2015 — *Мелас В. Б.* Феноменология признания // Логико-философские штудии. Вып. 13, 2015. С. 200–210.
- Мерло-Понти 1999 — *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Перевод с французского под редакцией И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента, Наука, 1999.
- Хайдеггер 1997 — *Хайдеггер М.* Бытие и время / Перевод с нем. В. В. Библихина. М.: AD MARGINEM, 1997.
- Хайдеггер 1998 — *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени / Перевод с немецкого Е. Борисова. Томск: Водолей, 1998.
- Шекспир 1992 — *Шекспир В.* Собрание избранных произведений. Т. 1. СПб.: Terra Fantastica, 1992.